

**Охотник и два медведя:
о возможном источнике эскимосского мифа**

В 1940 г. Г.А. Меновщиков записал на Чукотке, в с. Чаплино, миф о встрече охотника с белым медведем (Меновщиков, 1974, с. 73-75)¹:

Охотник в поисках нерпы ушел по льду далеко в море и вдруг тонкую льдину оторвало от берега. Шел по ней охотник, пока не увидел, что начался толстый лед. Из-под льда сделал себе дом и забрался в него греться. Вдруг в дверь просунул голову белый медведь – «без шкуры он, голый, шерсть только на голове» – и попросил у охотника кухлянку, чтобы согреться. При этом медведь отказался от предложенных штанов и верхней кухлянки человека, но взял нижнюю, сшитую из медвежьей шкуры. Объяснив охотнику, почему того преследуют неудачи в промысле – от кухлянки пахнет домашними запахами, грязью – медведь выполоскал ее и одел. После этого медведь предложил человеку погостить у него в землянке, а когда медвежья кухлянка приросла к его ободранному телу и они наконец собрались уходить на берег, к дому охотника, медведя-хозяина вызвал на «состязание в силе» другой белый медведь. «Не оставят они меня в живых», – жалуется медведь человеку, отправляясь сражаться. После поединка охотник выхаживает тяжело раненого медведя, а когда они вновь собираются в путь, другой медведь опять приходит звать хозяина на состязание. «Много ли их там?» – спрашивает охотник. «Нет, – отвечает медведь, – такой же это одиночка, как и я». На предложение охотника убить второго медведя хозяин согласился: «Да, надо его, пожалуй, убить. Мне тогда спокойнее будет». Охотник рисует сажей метку на спине своего друга-медведя и во время схватки убивает его врага копьем, после чего еще дважды стреляет в него из лука. Благодарный медведь сказал: «Хорошо ты сделал. Не будет у меня больше разбойника соседа» и отвел охотника в его селение.

Во втором известном варианте этого мифа (Меновщиков, 1969, с. 172-175), записанном в 1960 г. в Чаплино от другого информанта, медведь-соперник подходит к дому, где живут заблудившийся охотник и медведь, со словами: «Эй, где внутренний?» – «Здесь я.» – «А ну, выходи!» – «Сейчас выйду!». «Вот тот наружный постоянно истязает меня. Не успеют зажить мои раны, как он снова приходит и вызывает на борьбу», – жалуется медведь человеку. После поединка охотник вынужден заботиться о раненом

---

¹ Здесь и далее тексты приводятся в кратком пересказе автора статьи; точные цитаты даются в кавычках.

медведе-хозяине, неподвижно лежащем в доме. Он разделяет убитого медведя и заготавливает его мясо на еду. Выздоровев, хозяин говорит охотнику: «Да ведь мучителя моего убил ты! С этих пор спокойно буду жить», после чего отвозит человека домой на своей спине и награждает его удачей в охоте. Также в этом варианте содержится объяснение, почему у медведя нет шкуры: оказывается, его только что ободрали охотники, но началась пурга и люди разбежались, а один из них – герой – случайно побежал в сторону моря.

Приведенный миф в фольклоре азиатских эскимосов стоит несколько особняком, хотя отдельные его мотивы встречаются шире:

ЭВ727. Медведь без шкуры (Раздел «Необычные свойства животных»).

ЭВ859.1. Медведь без шкуры (Раздел «Раненое животное»).

ЭФ558.2. Съемная кожа (шкура).

ЭВ393.1.1. Человек отдает животному свою одежду (из шкуры этого животного).

ЭВ389. Животное, благодарное за излечение от ран.

ЭВ368. Животное, благодарное за помощь в бою, за убийство его противника (Меновщиков, 1985; указатель мотивов составлен Г.А. Левинтоном).

В чукотском мифе «Белая медведица» (Меновщиков, 1974, с. 232-238) речь идет о браке человека с белой медведицей (Г.А. Меновщиков не исключал эскимосского происхождения этого мифа):

Охотник зашел далеко в море, началась пурга и льдину оторвало от берега. Вдруг на льдину забралась белая медведица. Попросив у охотника дождевик, надела его и сказала, что он потому неудачлив в охоте, что его бабушка плохо с нерпами обращается. Затем медведица на спине отвозит охотника к берегу, где снимает шкуру, прячет ее в расщелину льда и превращается в девушку. Она становится женой охотника и рождает медвежонка, затем мальчика. В ответ на упреки свекрови – что они не люди, а белые медведи – она уходит и забирает с собой детей. Охотник отправляется вместе с ней в селение медведей. Их радушно встречают родичи медведицы, но выясняется, что у нее есть муж-медведь – «большой белый медведище» – который собирается вызвать своего «товарища по жене» на соревнование – кто больше добудет пищи – а потом убить его как проигравшего. Охотник встречается с ним на берегу моря и трижды побеждает в состязании (охота на нерпу, доставание камня со дна моря, борьба). Во время третьего состязания охотник убивает медведя тремя стрелами из лука. Тут обрадовались не только тесть и шурины, но и все население: «Ну и обрадовался народ! Говорят друг другу: “Спасибо человеку, что нашего угнетателя, медведя убил!”». Вдруг на улице раздаются крики: «Белый медведь идет! Белый медведь!». Выходи охотник на улицу, видит, все медведи поразбежались, спрятались. Думает: «Где же белый медведь, никакого белого медведя не

видно». «Пошел сирота на берег, а там, оказывается, крысу не могут убить. Догнал сирота ее, наступил на нее, убил. Сказали тогда белые медведи: “Ну и народ эти кочкоголовые! Ведь только наступил на медведя ногой – и убил!”. Прибежали и шурины домой. Говорят старику: “Ну и человек к нам пришел! Наступил на белого медведя – и убил”. Все».

У эскимосов Аляски Я. Маховский записал фрагмент мифа о том, как заблудившийся во льдах охотник гостит у белого медведя и получает от него в подарок шнурок, отчего его рассказу верят сородичи (Маховский, 1981, с. 155-156). Любопытно, что этот миф этиологический – он объясняет происхождение медведей: медведи – это рожденные женщиной близнецы, один из близнецов, с коричневой шерстью, в глубь суши, в горы ушел, другой же, с белой шерстью, в море ушел.

Миф о происхождении медведей заставляет вспомнить амуро-сахалинский круг текстов на ту же тему:

1. Миф о происхождении медведей от брака женщины и горного человека-медведя, причем у ульчей, например, близнецы воспринимались не как люди, а существа иного мира: один – горный человек, второй – водный (Золотарев, 1939, с. 141-145)².

2. У айнов родственные отношения (кровные или по браку) связывают медведя и морского обитателя – сивуча или тюленя:

«Айнское предание гласит, что в древности медведь и сивуч вместе жили на земле. Однажды они заспорили из-за власти. Сивуч вел себя недостойно, и боги опустили его в море. С тех пор сивуч всегда ревет, обратившись к горе, а во время горной охоты нельзя упоминать его имя.

В районе Китами есть скалы, которые по преданию были раньше тюленем и медведем. За ожесточенный спор боги превратили их в камни. Предания говорят о схожести медведя и тюленя и их вражде. В старинных легендах Бихоро говорится о том, что медведь и сивуч породнились, поменявшись сестрами, поэтому у них схожий вкус мяса и похожая форма головы.

Раньше сивуча называли *нупури сосики коро кур* (охраняющий середку горы). Считали, что раньше он был медведем, но за плохой характер сивуча прогнали в море. Сивуч почитался духом очень рассеянным и недалеким, которого легко обманывает заяц» (Арутюнов и Щебенков, 1995, с. 197).

3. В мифе нивхов (вероятно, айнском по происхождению), записанном в 1927 г. на Сахалине Е.А. Крейновичем, идет речь о битве представителей суши и воды – горно-

---

² По мнению А.В. Смоляк, у нанайцев и ульчей не один, а оба близнеца связаны с миром горных людей-медведей (Смоляк, 1974, с. 45-46). Согласно воззрениям нивхов, по данным Е.А. Крейновича, оба близнеца могут быть и от духов горы, и от духов воды, но от первых чаще. О происхождении близнецов узнают по удаче в соответствующем промысле (Крейнович, 2001, с. 446).

го человека-медведя и водного человека-сивуча (этот миф особенно показателен в связи с рассматриваемым эскимосским текстом, поэтому я остановлюсь на нем подробнее):

«Еще до того как это случилось, о чем я тебе расскажу, нивхи по берегу моря ходили, тропу битвы видели, но ничего не понимали. На тропе битвы морские водоросли разбросанными видели, но ничего не понимали, еловые ветви разорванные и разбросанные видели, но ничего не понимали. Лишь после того как случилось то, о чем я тебе расскажу, нивхи, увидев тропу битвы, узнают: гора [дух горы] победила 'ли', море [дух моря] победило 'ли'. Вот эта легенда».

В давние времена один нивх пошел в лес на охоту и заблудился. Проблуждав много дней, увидел сон, где какой-то человек приглашал его в свое селение, находящееся в середине горы. Там его встретили как почетного гостя. Герой сначала решил, что это нивхское селение, но оказалось что это селение горных людей, т.е. медведей, которые в своем мире снимают шкуры и выглядят как обыкновенные люди. Человек, который ему приснился, оказался их хозяином. Однажды он рассказал герою, что ему недолго осталось жить – «Я лишь этот год своих товарищей еще увижу. В будущем году разве их увижу? Пока я живу, я над своими товарищами начальник. Вот поживу, но скоро человеком не буду. Таков закон. Мы, горные люди-духи, временами злему духу дозволяем себя убить». Наш товарищ спросил: «Что же это за злой дух?» Тогда горный дух сказал: «Морской злой дух. Мы о вас 'голые люди', 'в нижней земле живущие люди' – так говорим. Морские люди, о вас разговаривая, 'людьми, живущими на сухой земле' – так называют. Морской дух (бог) – тоже человек. Но приходит такое время, и мы его злым духом считаем. У духов гор и духов моря, когда время подходит, есть закон – воевать. Если горный человек победит – морского человека убивает. Если морской человек победит – горного человека убивает. Таков закон. Раз закон таков, то что же поделаешь? Но когда бы мы ни воевали, мы, горные люди, слабыми оказываемся, никогда не побеждаем».

Когда наступило время битвы, герой отправился вместе со своим новым другом. Выйдя из горы, тот надел шкуру медведя и понес героя на своей спине. Спустившись к морю, увидели – «большущий сивуч к берегу плыл, кричал, шумел». Герой спросил медведя: «С этим ли ты будешь сражаться?». Медведь, от страха потеряв дар речи, только головой закивал. «Тогда наш товарищ сказал: «Да это же сивуч! Мы его едим. Что я его бояться буду? Это нами убиваемый и съедаемый зверь. У нас, у нивхов, имеется закон – есть род сивучей... Ты спокойно сиди, я вместо тебя сражаться буду»». Герой копьем заколол сивуча, поднялся в гору, сказал: «Такой, что ли, ваш злой дух? Мы-то его зверем считаем, его мясо едим». Разведя огонь, поджарил мясо сивуча, своего медведя покормить хотел; медведь сначала отказался, но нивх его убеждает: «Это хорошо, ешь! Всегда, когда вы сражаетесь, то победы не знаете. А я тебе скажу, что отныне вы тоже побеждать будете, несомненно, если убивающего вас злого духа есть будете». Тогда медведь свою шкуру снял и тоже ел («мясо, конечно, вкусное. Много ел», – комментирует рассказчик).

Вновь обернувшись медведем, горный человек отвозит нивха на закорках в свое селение, где сообщает радостную новость своим соплеменникам. «А я-то полагал, что сильнее меня людей нет, но этот наш товарищ нашего злого духа злым духом даже не считает.» В благодарность за помощь горный хозяин отвозит нивха в его селение, причем дает ему в жены свою сестру и на всю жизнь обеспечивает его удачей в охоте (Крейнович, 1987, с. 117-121).

Об актуальности этого сюжета о противоборстве горы и моря говорит и то, что кроме этого мифа Е.А. Крейнович записал у нивхов и несколько быличек на ту же тему (Крейнович, 1987, с. 121-122):

«Не очень давно вечером нивх один шел в селение Сакран. Вдруг он увидел: одна черная нерпа разновидности *ны*, то ныряя, то показываясь, плыла прямо к берегу. В это же время с горы спускался прошлогодний медведь. Медведь к краю берега спустился, а нерпа к линии воды у берега подплыла. Нерпа громким голосом закричала. Прошлогодний медведь тоже громким голосом зарычал. Потом нерпа обратно в море поплыла, а медведь обратно в горы ушел. Нивх догадался: это были *хин*, – послы от духов гор и леса и духов моря. Он понял, что между горами и морем будет битва. Тогда он спрятался, ждал, смотрел. Через некоторое время с моря большой сивуч один с громким криком к берегу плыл. С гор же медведь один также с громким криком вниз спускался. Деревья все, траву всю сплошь валил, так спускался. Сивуч, большие волны поднимая, на волнах этих к берегу плыл. Потом нивх их битву наблюдал. Медведь стал сдавать. Тогда нивх вышел, помог медведю сивуча убить. За это медведь девять раз подряд нивху поклонился. Отсюда в гору поднимаясь, в левую сторону двадцать раз оглядываясь на нивха смотрел. В правую сторону тридцать раз оглядываясь, на нивха смотрел. Потом поднялся в гору, скрылся. Нивхи сивуча взяли, ели. Его голову аккуратно в море опустили. Трех собак в дар морю принесли. Различные *инау* (ритуальные стружки. – *О.Х.*) настрогали. Каждый свое *инау* в море бросил. После этого в течение пятидесяти лет разных зверей, с гор приходящих, убивали, богато жили. Также со стороны моря нивхи и рыбу и зверя, которые будто бы сами себя притаскивали, убивали и ели. Нивхи пятьдесят лет голода не знали. Юколы сушили мало, но она как бы сама вырастала, и они ее ели. Вот так они и жили.

С тех пор до этого времени нивхи битвы между морем и горами не видели. Однако совсем недавно мы такой битве нечаянно помешали. Нивхи на мысу Моси сидели, нерпу подстерегали. В это время [нерпа] (“посол с моря”) поднималась к берегу и [медведь] (“посол с гор”) спускался. Они еще не успели на берег выйти, как нивх Поврјон, не видя горного посла, выстрелил в морского посла и убил его. Когда медведь с гор спустился, нивхи его увидели, к нему пошли. Но он между камнями скрылся. Куда исчез – не знаю. Когда они к местности Пајыркотан поднялись, то древнюю деревянную табуированную чашку с простреленным дном увидели. Старики сказывали, что это морской посол, которого Поврјон, убил, в такую чашку превратился.

<...> Нивхинка Палгук слышала от стариков рассказ о том, что огромный сивуч как-то дополз до берлоги медведя и частью своей длинной шеи закрыл берлогу медведя. Шея у

сивуча длинная и волосатая (?). Медведь укусил сивуча за волосы, но сивуч извернулся, схватил медведя за затылок и загрыз его. Когда он полз обратно к морю, нивх заметил его и убил. Духи гор были благодарны нивху и за это позволили ему убить много медведей».

Сравнение нивхского/айнского и эскимосского мифов позволяет обнаружить целый ряд общих мест:

1. Охотник ушел далеко от дома, заблудился в тайге/во льдах;
2. Охотник встречает медведя без шкуры;
3. Охотник гостит у медведя, после чего становится свидетелем битвы хозяина с его смертельным врагом;
4. Охотник убивает врага медведя копьем;
5. Охотник разделяет убитого врага на мясо, ест сам и кормит своего медведя (второй вариант эскимосском мифа);
6. Благодарный медведь относит охотника домой на своей спине, награждает его удачей в промыслах (в чукотском мифе «Белая медведица», как и в нивхском, все селение медведей радуется победе человека над их врагом).

Такие совпадения могут позволить предположить, что мифы народов амуро-сахалинского и северо-берингоморского регионов связаны не только типологически, но и генетически. Это подтверждается археологическими данными: миграции с Японских островов, Приамурья и Приморья в северное Берингоморье по сухопутному мосту зафиксированы уже с верхнего палеолита. В эпоху раннего металла – 2 тыс. до н.э.-нач. н.э. – этот регион, куда входили северное Берингоморье, Охотское побережье, Приамурье, Приморье, Хоккайдо, Сахалин, Курилы, Алеутские о-ва, был единой культурной зоной. Замечу, что отголоски нивхского мифа встречаются и у эвенов Охотского побережья – у них зафиксирован запрет: «В шкуру сивуча не надо одеваться – медведь этого не любит, убьет тебя» (Бурькин, 2001, с. 198, № 45) (собственно эвенского мифа, мотивирующего подобный запрет, мне в литературе обнаружить не удалось).

В таком случае возможно следующее объяснение семантики фрагментов эскимосского мифа:

1. Медведь без шкуры – не результат ранения или свежевания зверя, а смутный отголосок представления о том, что в своем мире медведи снимают шубу-шкуру и выглядят как люди. Возможно, что во втором, более позднем по времени записи варианте эскимосского мифа мы сталкиваемся с рационализацией, вызванной личной склонностью рассказчика к прояснению темных мест. Любопытно, что, по представлениям чукчей (по данным В.Г. Богораза), жизнь белых медведей «во всем подобна человеческой»:

они живут в поселках, расположенных на льду в море, в снежных домах, освещаемых жировой лампой, охотятся на тюленей и моржей (Богораз-Тан, 1939, с. 6). По материалам Г.А. Меновщикова, гринландские эскимосы полагают, что медведи в своем селении живут в облике людей (Меновщиков, 1985, с. 416-417). Однако, как видно из текстов, быт эскимосского медведя гораздо менее устроен, чем быт горных людей нивхской вселенной, а также для обретения надлежащего вида белому медведю приходится воспользоваться помощью человека.

2. Кажущийся беспричинным конфликт медведя и его оппонента (такого же «одиночки») – отголосок конфликта горы и моря, тщательно разработанного в амурсахалинском регионе.

3. Не очень ясное место – почему медведь не может справиться с врагом, а человек может – также находит объяснение в нивхском тексте: таков «закон». Замечу также, что в обоих мифах охотник убивает противника своего друга-медведя копьем.

Любопытно, что в чукотском мифе «Белая медведица» мотив битвы дублируется и обитатели медвежьего селения радуются два раза: в первый раз – когда охотник побеждает такого же белого медведя, как и они, но большего, а во второй раз, когда он побеждает крысу, которую сами медведи боятся и называют «белым медведем». Надо сказать, что этот мотив попал в текст из другого сюжета, широко распространенного у палеоазиатов, в котором крысу считают белым медведем белые куропатки, что кажется более логичным (Меновщиков, 1974, с. 612). Если даже предположить, что этот мотив был заимствован с единственной целью реализации другого мотива – ЭВ368. «Животное, благодарное за помощь в бою, за убийство его противника» – все равно для нас чрезвычайно важно, что белые медведи, страшные с точки зрения человека звери, считают «страшным зверем» маленькую крысу, с которой легко справляется человек – мы можем увидеть в этом ту же смену точек зрения, что и в мифе нивхов Сахалина: каждый из героев сильнее предыдущего и слабее последующего – с той лишь разницей, что в данном случае отсутствует пространственный код (приуроченность каждого из героев к особой зоне – водному, горному и среднему, человеческому миру), а также пищевой код (в мифе нивхов человек питается водным жителем, а тот, в свою очередь, предпочитает горного человека)³.

Косвенным подтверждением достоверности гипотезы может быть роль зайца в этой истории: у нивхов и айнов водные люди боятся зайца. По мнению А.Б. Островско-

---

³ Более подробно об этой мифологической логике и в целом о конфликте воды и суши см. (Христофорова, 2008, с. 193-221).

го, у этих народов заяц считался представителем небесной сферы и был связан с небесной водой – дождем и небесным огнем – молнией, противостоящими морской воде (Островский, 1997, с. 188-189). Любопытные материалы приводит И.С. Гурвич: на капищах черепов вблизи селений береговых чукчей и эскимосов сохранялись черепа моржей, лахтаков, белых медведей и зайцев, причем черепа зайцев клали в стороне от черепов морских животных (Гурвич, 1974, с. 9-10).

Итак, если принять гипотезу о том, что эскимосский (возможно, и чукотский?) миф связан с нивхским (айнским?) не только типологически, но и генетически, то можно сделать вывод, что реалии привели к трансформации текста, который, тем не менее, сохранил основную схему: поход человека на охоту, встреча с медведем (не носящим шкуру), обреченность последнего перед схваткой с «соседом-разбойником», победа охотника над врагом медведя, которого он непременно закалывает копьем, благодарность медведя. Однако по сравнению с нивхским текстом конфликт медведя и его оппонента выглядит менее значительным: особенности ландшафта (отсутствие леса и гор), амбивалентность образа жизни белого медведя (он зверь в равной степени земной и морской – напомним, что во всех чукотско-эскимосских текстах охотник встречает медведя далеко в море), и в целом аморфность оппозиции суша/море за полярным кругом лишает «основной конфликт» его символического значения – противопоставления стихий, что ведет к раздвоению образа героя-медведя (возможно, потому, что морж и тем более тюлень несопоставимы по силе с белым медведем) и делает схватку двух медведей почти анекдотической, а сам миф – мало распространенным в циркумполярном регионе.

Литература

- Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г.* Поверья, приметы и представления айнов об окружающем мире // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 2. Южно-Сахалинск, 1995.
- Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. Л., 1939. Т. 2. Религия.
- Бурькин А.А.* Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб., 2001.
- Гурвич И.С.* Этнографические исследования на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. Ч. 2. М., 1974.
- Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939

- Крейнович Е.А.* Этнографические наблюдения у нивхов в 1927-1928 гг. // Страны и народы Востока. 1987. Вып. 25.
- Крейнович Е.А.* Нивхгу. Южно-Сахалинск, 2001.
- Маховский Я. (сост.)* Огненный шар. Легенды, предания и сказки эскимосов. Магадан, 1981.
- Меновицков Г.А. (сост.)* Эскимосские сказки и легенды. Магадан, 1969.
- Меновицков Г.А. (сост.)* Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974.
- Меновицков Г.А. (сост.)* Сказки и мифы эскимосов. М., 1985.
- Островский А.Б.* Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.
- Смоляк А.В.* О культе близнецов у нанайцев Нижнего Амура // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. Ч. 2. М., 1974.
- Христофорова О.Б.* Медведь и сом: типология мотива // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири / Сост. О.Б. Христофорова; Отв. ред. С.Ю.Неклюдов. М.: РГГУ, 2008.